

Ник Перумов

Вернуть посох

Миры Упорядоченного

Ник Перумов
Вернуть посох

«ЭКСМО»

2000

Перумов Н.

Вернуть посох / Н. Перумов — «Эксмо», 2000 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-457-09526-7

«— Зачем ты веешь, ветер?.. Внизу, в пропасти, океанский вал тараном грянул в неподатливый утес, и несокрушимый камень вздрогнул от вершины до самого основания, словно зная — настанет день, и вековечный приступ морских волн увенчается успехом: рухнут вниз гордые бастионы скал, и вода, словно победоносное войско по трупам врага, пойдет вперед, вперед, вперед, и бессильно рассыпавшиеся острым крошевом граниты не смогут уже помешать...»

ISBN 978-5-457-09526-7

© Перумов Н., 2000
© Эксмо, 2000

Ник Перумов Вернуть посох

– Зачем ты веешь, ветер?..

Внизу, в пропасти, океанский вал тараном грянул в неподатливый утес, и несокрушимый камень вздрогнул от вершины до самого основания, словно зная – настанет день, и вековечный приступ морских волн увенчается успехом: рухнут вниз гордые бастионы скал, и вода, словно победоносное войско по трупам врага, пойдет вперед, вперед, вперед, и бес- сильно рассыпавшиеся острым крошевом граниты не смогут уже помешать.

– Зачем шумишь ты, море?..

Тянет, тянет на одной ноте высокий, пронзительно-режущий голос, и кажется – слышно его далеко-далеко окрест, идет этот голос, ничуть не слабея, через каменистые сухие степи, через придавленные дождями и временем холмы – до самого Зачарованного леса, и только там гаснет, столкнувшись с его чужой, нечеловеческой магией.

– Зачем ты светишь, солнце?..

Ну сколько же можно? Стихии молчат, они не ответят тебе, глупый человек, кричи или не кричи, зывай или не зывай, плачь, молись, приноси жертвы или просто грызи в отчаянии землю. Твоя сила ушла, человек, и ничто в этом мире отныне не станет внимать тебе. Ничто и никто, кроме людей. Да и те внимать будут очень недолго. Ты уже ничего не изменишь, человек. Сила ушла от тебя, старый колдун, ты пуст, как раковина, откуда ловкий осьминожек вытащил лакомого моллюска. Камни, слушающие твои вопли, знают. Они видали немало подобных тебе здесь, на Утесе Чародеев.

– Зачем возвращаешь злаки ты, земля?..

Глупый, глупый человек. Почему-то считается, что растративший силу маг может вновь обрести ее здесь, на далеко выдавшемся в Южное море Утесе Чародеев, принеся должное моление всем четырем Первостихиям. Все это, конечно же, чушь и ерунда, камни не

сомневаются. Камни ведают истину, как ведали ее всегда, от начала времен. Такова их природа. Не то дар Древних Богов, не то просто случай. Однако здесь же кроется и опасность – они, камни, стали уж слишком самоуверенны.

Охая, старик поднимался с колен. Внизу, в пропасти, шумело море, вдалеке от берега брал разбег очередной вал; на какой-то миг у старика закружилась голова и показалось – все, ему не подняться, море уже протянуло к нему из пропасти незримые, но цепкие пальцы, и сейчас потащит его вниз, вниз, вниз, на острые зубы торчащих сквозь пену прибоя валунов.

Кто знает, может, так вышло б даже и легче?.. И посох мага не достался бы уже никому...

Но старая плоть упрямо цеплялась за жизнь, скрюченные пальцы впились в отполированное дерево посоха, теперь служившего, увы, не для сотворения заклинаний, а лишь банальной подпоркой при ходьбе.

– Что, не помогло? – насмешливо спросил охавшего старика второй, совсем еще юный голос. – Говорил же я тебе, упрямец. И не могло помочь, никому еще никогда не помогало – с чего это ради вдруг тебе поможет? Так что посох ты мог бы отдать мне еще на границе Зачарованного леса. Все проще б получилось. А тащились сюда невесть зачем, как говорится, за семь верст киселя хлебать.

– Мальчишка! – сипло прокаркал старик. – Да что ты в этом понимаешь! Моя сила еще вернется ко мне, и тогда я...

– Ты так в этом уверен? – с издевкой осведомился спутник старого чародея.

Юноша лет пятнадцати, с чистеньким бледным лицом, выдававшим долгое сидение взаперти, скорее всего – над книгами, одетый щегольски, словно находясь в пяти шагах от какого-нибудь владетельного замка, где на сегодня назначены пир и бал, а не в дикой глуши за десятки лиг до ближайшего жилья, да и то принадлежавшего отнюдь не людям. Белая курточка из мягкой кожи с расшитым самоцветами воротником, сафьяновые сапожки, вычурные отвороты, тонкие золотые цепочки, спускавшиеся с правого плеча на манер аксельбантов...

Старик с ненавистью посмотрел на юного модника. Кустистые выцветшие брови сдвинулись, но, увы, бессильно. Мощь мага ушла, как вода в горячий песок, и сосущую пустоту в душе теперь уже ничем не заполнишь. Лишившийся своих способностей волшебник должен отдать свой посох преемнику и как можно скорее умереть. Земля отказывается носить тех, кто некогда одним только взглядом мог передвигать горы.

Пальцы старика по-прежнему цеплялись за посох – никчемная, пустая попытка. Неужели все? Неужто и впрямь конец, и этот посох, столько лет служивший ему верой и правдой, придется отдать молодому и наглому щеголю, напрочь лишенному всего того, что в былые дни почиталось обязательным для волшебника: скромности, бессребреничества, нестяжательства, невмешательства в дела владык земных...

Тяжело и с натугой билось уставшее от долгих годов сердце, и глухая боль, с недавних пор поселившаяся в нем, грызла и грызла старика изнутри, словно добравшаяся наконец до поживы голодная крыса. Раньше старый волшебник изгнал бы эту боль одним коротким заклинанием, даже не прибегая к амулетам, не говоря уж о том, чтобы воспользоваться посохом – одной только мыслью. А теперь остается лишь сжимать зубы и терпеть, понимая, что и терпеть осталось недолго, совсем-совсем уже недолго... Интересно, неужто юнец так и будет толочься вокруг, дожидаясь, пока этот противный старикан сам отправится в последнее плавание? Или все-таки дерзнет, постарается прикончить его поскорее?.. От них, молодых, всего можно ожидать. Как же ему не терпится заполучить мой посох! Вырвет, поди, из еще неостывших рук, забыв даже про уважение к мертвым – это если, конечно, сам старика не придушит. Впрочем, у таких, как этот щенок, отродясь ни к чему уважения и не водилось.

Разве так надо провожать уходящего из жизни мага?.. Вот он сам, к примеру, три года ходил за расслабленным учителем, кормил с ложки, судно подавал, обтирал, обмывал...

так что наставник, растрогавшись, сам посох отдал – отдал и сонного зелья выпил. А этот, нынешний... Тьфу, простите силы великие, шакал-трупоед, позорище, да и только. И кому только теперь посохи отдавать приходится!..

– Ну так что, обратно к Зачарованному лесу потащимся? – насмешливо осведомился юнец, вставая с камня. – Говорил же я тебе, только зря волоклись в эдакую даль, время теряли... Как ж вы, старичье, за жизнь цепляетесь! Весь мир вокруг себя утопить готовы, чтобы только лишний день на свете прожить! Ну не стыдно ли? Ведь все уже, вышло твое время, погулял всласть, теперь моя очередь. А тебе в домовину пора, старый, Спасителява прихода дожидаться, червей кормить да гнить помаленьку. А ты все дергаешься, все мельтешишь, время мое по ветру пускаешь...

Старик дернулся от обиды, но смолчал – кричать да браниться тут уже бесполезно. Кричи не кричи – прав этот наглый щенок: кончилось твое время.

«Но уж и я тебе удовольствия не доставлю, – мстительно подумал старик, покрепче стискивая посох. – Будешь ты у меня ждать, пока я сам не помру. Знаю, знаю, кровь у тебя играет, небось не терпится какую-нибудь деву посмазливее приворожить, чтобы сама к тебе прибежала, юбки на ходу задирая, – ничего, бычок, перетерпишь. Хватит на твой век и дев, и девок, и вдовушек почтенных. Терпи, дорогой, как я терпел. И пусть я твоего конца не увижу, но придет ведь и день, когда уже тебе с посохом волшебника расставаться придется. Сколь ты ни крутись, сколько ни составляй составов магических на мандрагоре да бессмертнике – а Последнего Дня тебе тоже не минуть. Вот интересно, встретимся мы с тобой там, за гробом, как адепты Спасителя уверяют, или враки все это? Хорошо бы встретиться. Вот я бы уж тогда посмеялся...»

– Так ты кончил кривляться и вопить? – хмуро бросил юнец, искоса поглядывая на бывшего волшебника. – Учти, я обратно так просто тащиться не намерен. Посох сюда давай, сволочь, понятно?! – вдруг ни с того ни с сего рывкнул он. – Что я, до самого Зачарованного леса должен снова пешком волохаться, ноги ломать?! Нет уж, я лететь хочу!

– Обойдешься, – неожиданно для самого себя огрызнулся старик. Собственно говоря, терять ему тоже было нечего. Сейчас найдет его смерть или парой месяцев позже, какая разница? – храбрился он сам про себя.

Юнец лениво поднялся с камня, вихляющей походкой направился к магу – ну точь-в-точь уличный забияка, вознамерившийся отобрать у слабого малыша пару грошей, полученных на сласти. Сквозь зубы процедил ругательство, поднимая кулак для удара.

Старик взвизгнул, с неожиданной резвостью отскакивая назад и загораживаясь посохом. Как бы то ни было, пробовать на себе крепкие кулаки своего невольного спутника он отнюдь не стремился.

– Посох! – гаркнул мальчишка, подступая вплотную.

– Вот сдохну я, все твое будет, – прошипел старик, собирая остатки мужества. Правда, колени его тряслись, а голова сама собой втянулась в плечи, да и голос, сказать по правде, звучал вовсе даже не внушительно.

Тем не менее мальчишка отчего-то приостановился, занесенная для удара рука опустилась, а в глазах мелькнуло что-то вроде неуверенности.

– Да тебя валить – только руки марать, – он с деланой брезгливостью оттопырил губу. – Ты небось уже и в штаны наложил, так что, мне теперь еще и в твоём дерьме мараться? Нет уж, сам сдохнешь. На обратном пути. Я тебе помогать не намерен, и кормить тебя, жрачкой делиться – тоже. Сколько протянешь, столько и протянешь, а потом пусть тобой волки да вороны занимаются.

Старик криво усмехнулся, гордый своей бесплодной, маленькой – но все-таки победой. Щенок не осмелится его убить, у него не хватает духу даже ударить старого волшебника – несмотря на то что сил у бывшего чародея не осталось уже никаких: ни магических, ни

телесных. Боится его мальчишка, несмотря ни на что, боится, сидит еще в самой сердцевине костей с молоком матери впитанный страх перед обладателями посохов, настоящими магами – и даже осознание того, что он сам теперь владеет Силой, не изгонит этот страх одномоментно.

Среди камней валялся тощий заплечный мешок старика, весь сморщенный и жалкий. Волшебник со вздохом нагнулся, подбирая – как ни крути, мальчишка прав, на обратную дорогу еды у него не хватит. А это значит, что хочешь не хочешь, а придется идти не на север, к Зачарованному лесу, а на северо-восток, к покрытым густыми борами холмам, где в неглубоких пещерах обитают поури – народец более чем неприятный, однако магов почитающий. Старик надеялся добыть у них провизию – как угодно, но умирать по собственной воле ему не хотелось.

– Я иду к Поур-ан-Гарр, – сказал бывший маг. – У меня еды не хватит до Зачарованного леса.

Будто и не заботясь о том, что скажет или сделает парень, чародей повернулся к нему спиной и сделал первый шаг.

– Эй, ты куда, гад?! – в бешенстве заорали позади. – Куда попер, дрянь траханная?! Да я тебя сейчас, пердуна старого...

Старик сжался и ссутулился, каждый миг ожидая удара в затылок или даже просто ножа под лопатку – но все-таки сумел не обернуться. По морщинистому лицу тек пот – холодный и липкий.

Мальчишка схватил старика за плечо, рывком развернул к себе – лицо белое от бешенства, блее щегольской курточки, ноздри бешено вздрагивают, зрачки – словно два копейных остря.

«Вскручивает себя, чтобы заглушить страх...» – мелькнула мысль, и в следующий миг кулак юнца врезался старику в подбородок.

В глазах вспыхнуло огненное море – мир исчез, исчезли небо и камни, деревья и воздух – осталась только одна боль. Посох выскользнул из сведенной судорогой руки, со стуком упал на камни – это было единственное, что сумел расслышать старик.

А потом посох подобрали. Старик слышал беззвучный крик дерева, но уже невнятный, приглушенный, словно вырывающийся из-под кляпа или зажимающей рот ладони насильника.

– Вот так, – слова юнца с трудом пробивались к сознанию. Старик лежал на спине, со свистом втягивая в себя воздух. – Понял теперь свою цену, урод? Вот и валяйся здесь, пока не сдохнешь. А я пошел. Недосуг мне твоего конца дожидаться.

И – звук удаляющихся шагов.

Мальчишка уходит. С посохом...

Старик едва-едва сумел приподнять мелко трясущуюся голову. По подбородку и шее стекала кровь – он ее не чувствовал. Едва-едва вновь проявившийся мир сжимался опять – на сей раз до размеров чужой спины, обтянутой щегольской белой курточкой.

Ну нет, мы еще поживем...

Странное дело – стоило старику выпустить посох из рук, как боль в сердце утихла. Ныл разбитый рот, но это уже ничего, перетерпим, бивали нас и сильнее. Это ненадолго, это пройдет.

Дождавшись, пока упруго шагавший прочь юнец не скроется среди нагромождения валунов, старик поднялся на ноги. Последний раз всхлипнул, тыльной стороной ладони стер с подбородка кровь.

И зашагал прочь, на северо-восток, а отнюдь не по следам отобравшего у него посох мальчишки, как можно было б предположить.

Они еще встретятся, непременно встретятся, только – чуть позже...

А пока что – вперед, к Поур-ан-Гарр.

* * *

Дорога к владениям народа поури издавна считалась не из легких, но в то же время – куда проще, чем от Утеса Чародеев к Зачарованному лесу. Во всяком случае, зловредных тварей и не брезгающих человечинкой хищников (как четверо-, так и двуногих) на ней встречалось не в пример меньше.

Позади остались сухие, неплодородные степи, где земля, казалось, возвращает камни вместо злаков.

Мало-помалу стали появляться деревья, сперва робко и поодиночке, затем все смелее, их становилось больше, купы оборачивались рощами, рощи сливались в перелески, и степная дорога стала вилять, пробираясь между вставшими на ее пути могучими лесными бастионами. Старик ставил силки, и один раз в них попался какой-то местный кролик, тощий и жилистый. Волшебник испек его в углях – этого хватило на целую неделю.

Владения поури приближались.

...Расставшись с посохом, он чувствовал себя более или менее терпимо только в первый день. А потом боль в сердце вернулась – тупая привычная боль, неизменное напоминание о приближающемся конце. И на сей раз она уже не желала отступать.

Он попытался бороться с ней – бесполезно. Как ни странно, легче оказалось ей покоряться. И – старик спустя несколько дней словно б даже и привык к ней. Боль как будто придавала силы, старый волшебник смаковал картины воображаемой встречи с наглым и самодовольным юнцом, заканчивающиеся, как и положено, возвращением не только *его* посоха, но и всей былой силы; однако сперва ему предстояло добраться до летних поселков поури и уговорить этот вздорный народец не отправлять его прямиком в праздничный котел, а все-таки сперва выслушать.

...До границы владений поури старик добирался еще целых три дня. Если так пойдет и дальше, мальчишка просто опередит его, скроется в глубинах Зачарованного леса прежде, чем его настигнет справедливое мщение, – о том, что юнец и впрямь мог полететь, старик старался не думать. Все-таки подобные чары даются не с первой, не со второй и даже не с третьей попытки.

...Поури ловки и отважны, им не занимать звериной хитрости и чуткости, в лесу они когда-то тягались с самими эльфами – победить не победили, но и взявшие верх обитатели Зачарованного леса умылись тогда кровью, однако, несмотря ни на что, старик все-таки заметил карликов первым. Их секрет таился в зарослях густого орешника, на высоком, далеко вдвинувшемся в степное море взлобке – ни один глаз, даже эльфийского траппера, не смог бы разглядеть тройку вооруженных неподъемными засадными самострелами карликов, а вот старик смог – по отблеску солнечного луча на любопытном глазу, слишком плотно прижавшемся к бойнице в плетеной стене засидки.

Старик остановился и поднял руки. Даже и лишившись силы, он всей кожей ощущал упершиеся в него полетные пути тяжелых арбалетных стрел, каждая из которых способна пробить насквозь троих таких, как он. Поури специально делали настолько тяжелые арбалеты. За «бегство с оставлением оружия на поле бранном» полагалась медленная и мучительная смерть в неспешно засасывающем жертву болоте, и потому секрет не мог ни спасаться бегством, ни бросать оружие. Им оставалось только сражаться.

– Эй, опусти руки, маг, – хриплым баском сказали наконец из зарослей. – Сказывай, зачем пожаловал?

– С Барри потолковать хочу, – невозмутимо, как ни в чем не бывало, откликнулся старик.

– С Барри? – донеслось до него. – Уй, едва ли, едва ли. Барри таких, как ты, не жалуется. – Знаю, – ответил старик. – Вот я и хочу, чтобы с этого момента стал бы жаловаться.

– Тогда ступай, – дозволили из секрета. – Тропы наши ты и так знаешь, обойдешься без провожатого, сейчас каждый стрелок на счету...

– А что, неужто ж война? – Старiku не нужно было разыгрывать удивление. Поури, конечно, воевали всегда и со всеми, в простодушии своем, что граничило с дикостью, признавая достойным времяпрепровождением одну лишь войну, но с дикого, пустынного юга, где не прокормиться и где не посеешь хлеб, карлики врагов обычно не ждали.

– Война, – подтвердил голос, твердо, не по-людски выговаривая слова. – Война, человеку.

– И с кем же воюете? – любопытствовал бывший волшебник, поскольку сам поури, кроме этого факта, больше ничего сообщать явно не спешил.

– Разве ты pomoжешь, маг? Ты ведь с Утеса Чародеев. И у тебя нет посоха. Ты его отдал. Так зачем ты нам теперь?

– Отчего ж ты не стреляешь в меня, а тратишь время на разговоры? – Старик гордо вскинул подбородок. – Выдаешь свой секрет... не по уложению воинскому это.

– Оттого, что маг навсегда остается магом, даже и без посоха, – прогудели в ответ. – Мы, поури, знаем, что такое честь. Это вы, люди, о ней забыли...

Старик хотел было ответить, но вовремя прикусил язык. Спорить с поури сейчас явно неблагоприятно и ни к чему. А тем более напоминать ему, что вспарывать животы пленным беременным женщинам и распинать девственниц вниз головой на заборах (обычные развлечения поури в захваченных на время деревнях) тоже как-то не слишком вяжется с понятиями о чести. Потому что последним аргументом в подобном споре станет прилетевшая арбалетная стрела, толстая, словно вертел, пробивающая даже быка.

– Так что ж, ты мне так и не ответишь, храбрый воин?.. Тогда, с твоего позволения, я пойду дальше. Мое дело не терпит отлагательств. Барри со мной согласится, ну а если не согласится... – старик как можно выразительнее пожал плечами, – я свое отжил и смерти уже не боюсь.

– Вы, люди, всегда боитесь смерти, – сказал невидимый стрелок. – Потому-то от вас и исходит зло...

– У нас тут, похоже, созревает философический диспут, – усмехнулся старик. – Ты хочешь поговорить со мной о природе добра и зла в мире Эвиала, поури-воин?

– Я хотел бы. Потому что не далее как вчера соседний секрет отогнал отряд Нечисти от наших пределов. Дело было жаркое. Двум нашим предстоит родиться опять.

Поури, насколько помнил старик, неизбежно верили в переселение душ и воскрешение.

– Так что же мне делать сейчас, храбрый воин? – настойчиво спросил волшебник. – Я не встретил на своем пути ничего подозрительного, дорога была не труднее обычного. Так что едва ли я смогу сообщить тебе что-то по-настоящему важное. Ты позволишь мне пройти, или мы и дальше будем предаваться высокоумным беседам в столь неподходящем для этого занятии месте?

– Для беседы любое место хорошо, – отрезал поури, по-прежнему не показываясь на глаза. – Вообще-то ты, конечно, можешь идти – мы ведь тебя пропустили. Но... Я хочу знать, кому ты отдал свой посох.

Старик несколько секунд молчал, собираясь с силами и стараясь, чтобы ответ прозвучал небрежно и чуть снисходительно:

– А, один мальчик, из нового выпуска. Хороший такой мальчик, внимательный, бойкий...

– Ага, бойкий, – согласился поури. – То-то у тебя лицо до сих пор на сторону, волшебник.

Старик непритворно удивился. Какое там «на сторону», почему, откуда? Никаких следов удара на подбородке не осталось, бывший волшебник знал наверняка, смотрелся в уцелевшее среди поклажи серебряное походное зеркальце...

Наверху, в кустах, раздался короткий смешок.

– Мы умеем видеть чуть дальше, чем вы, – объяснил поури. – Поэтому вы с нами так и не справились, хотя вас – тьмы и мириады, а нас всего лишь горсточка...

Старик вновь смолчал, хотя – какая там горсточка! Поселения поури уверенно двигались на север, вплотную подступая к людским владениям, и по всем границам гремела ни на миг не прекращающаяся война. Захватив деревню, поури деловито предавали ее огню, всех жителей вырезали поголовно, вместе со скотом и прочей живностью вроде кошек, собак и даже птиц, которых карлики ловко сбивали из коротких боевых луков. Пленных они не брали. Рабы им оказались не нужны, и не с кем было вести торг, выкупая полон, как всегда поступали, к примеру, меампские правители, выручая из неволи своих, угодивших в кочевничью петлю.

Здесь все было не так.

Конечно, и люди в долгу не оставались. Окружив возвращающийся из набега отряд поури, дружинники Княж-города, казалось, забывали о том, что сами смертны. Низкорослых воителей деловито расстреливали из мощных дальнобойных луков, их можно было бы прикончить, не вступая в рукопашную, но без рукопашной – какая ж месть?.. И потому после лучников в дело вступала тяжелая пехота, не жалея себя, давила всех, еще остававшихся в силах держать оружие, и выжившие в этом натиске поури во все остававшиеся у них часы и дни свирепо завидовали мертвым, порываясь и сами при каждом удобном случае последовать за ними – но тут уж стража не зевала.

Любимым развлечением дружинников было привязать поури к доске и медленно шинковать распяленное уродливое тело мясницкими, для перерубания костей предназначенными, топорами. Состязались, кто нашинкует потоньше. Бились об заклад – сдохнет, когда дойдут еще только до колен, или до бедер продержится?.. Дружина была бы не прочь попробовать, какова любовь женщин-поури; но, к немалому расстройству княжьих удалцов, ни разу, даже когда удавалось захватить какое-нибудь поселение, им не попалось ни одной женщины или ребенка, словно весь род поури состоял из одних мужчин и они неведомо как появлялись на свет уже взрослыми, сразу готовыми к войне.

Старый маг терпеливо стоял, ожидая продолжения. Поури, пустившийся в рассуждения на отвлеченные темы – да, подивились бы бывшие друзья-товарищи, долгое время поури вообще за разумных не считавшие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.